

КАТЕГОРИЯ ФРЕЙМА В ОПИСАНИИ ЯЗЫКА

Современная лингвистика акцентирует языковую личность — *homo loquens* (Ю.Караулов), механизм и предпосылки вербального кодирования мира, динамический аспект существования языка. Перспективным направлением подобного рода исследований, объединяющим индивидуальный характер тезауруса языковой личности и социальный характер типовых номинаций дискурса, является когнитивный подход к описанию языка.

Когнитология исходит из того, что человеческая когниция осуществляется в типовых обстоятельствах на основе отражательных возможностей *homo sapiens*. Следствием является междисциплинарный характер когнитологии, теснейшим образом взаимодействующей с психологией, этнологией, историей, культурологией и, конечно, с лингвистикой, поскольку все понятия дисциплин гуманитарного знания вербализованы. Более того, тенденцией формирования и развития когнитологии является интеграция дисциплин уже не только гуманитарного, но и естественно-математического цикла, см., например, программу Первой Российской конференции по когнитивной науке в Казани (октябрь 2004).

Язык — одна из форм познания окружающей действительности, и терминологический аппарат когнитологии в полной мере применим к сознанию и дискурсу говорящей личности и этноса, к индивидуальной речевой манере и языковому “вкусу эпохи” (В.Костомаров), к господствующему стилю.

Языковую личность, *homo loquens*, когнитивная лингвистика описывает с точки зрения механизма восприятия внешних впечатлений, обобщения их, запоминания, вербального кодирования и перекодирования (Р.Солсо). Основными понятиями когнитивной психологии применительно к языковой личности являются понятия гештальтного характера человеческого отражения, топологических рядов, апперцепции, фреймового характера социальных и эпистемических структур, объема оперативной памяти человека. Целостный характер восприятия объекта как топологического ряда (L.Talmy), фокус восприятия предмета и ситуации в форме гештальта — схематического целостного представления (Ф.Перлз), апперцепция как сохранение в психике следов воздействия в от-

сутствие раздражителя (А.Потебня), объем оперативной памяти человека, воспринимающей 7 ± 2 предмета и сворачивающей поэтому большее их количество по принципу таксономического включения вид – род (*чашка, нож, самовар – посуда*), – являются психологическими предпосылками когниции.

Социальными предпосылками когниции являются экономическая база развития человечества, аксиологизация действительности, ритуализованный характер бытия, формирующий ментальные представления о типичных ситуациях – *фреймах*. В генезисе фрейм – это экспликация биологического, в том числе стадного инстинкта [Монич 1998], эволюционирующего в социальные ритуалы: ‘Защита территории’ – военный парад, ‘Знакомство’ – смотрины, ‘Преодоление препятствия’ – спортивное ориентирование. Прототипность фреймов определяется принципом неврологической экономичности [Солсо: 90].

Биологическая основа фреймов служит предпосылкой и базой двух фундаментальных характеристик, определяющих его структуру. Биологический генезис фреймов и материальный характер окружающей человека действительности обуславливает повторяемость фреймов, а конкретные условия реализации, человеческая эволюция – варьируемость частей фрейма. Инвариантная часть фрейма представляет собой его терминальные *узлы* (terms), вариативная – слотовое наполнение, *слоты* (slots) [Кубрякова и др. 1996: 187–188]. Так, фрейм ‘Защита территории’ содержит такие терминальные узлы, как территория, агрессор, защитник(и), способ нападения и способ защиты, фрейм ‘Знакомство’ – субъект и объект, интенцию, способ осуществления, ситуацию осуществления действия. Слотовое же наполнение фрейма ‘Защита территории’ реализовалось исторически как война 1812 г., слотовое наполнение фрейма ‘Знакомство’ запечатлено в искусстве как ситуация на балу у Капулетти, куда проникает Ромео.

Фреймовая семантика пронизывает человеческое существование, воссоздавая ритуалы обожествления Космоса, поддержания status quo, переходов из одного состояния в другое: Масленица, серванты в домах как генетические божнички [Фрейденберг 1978], фата брачующейся, снятие покрывала или перерезание ленточки при открытии памятника или учреждения. Подчиняясь смыслогенезу, в процессе эволюции семантика фреймов видоизменяется, затухая или наслаиваясь одной исторической частью на другую на основе формального изоморфизма. Так, смысл принесения огня очага навеки ушедшему из дома предку известен лишь специалистам-этнологам, но форма обычая зажигать свечи на

кладбищах сохранилась. В вазочках и фигурках серванта уже не видят *лар* и *пенатов* – божков дома. Семантика *стола – престола – одра – алтаря – юпитра – трибуны докладчика – стола президиума* как ‘сакрального пространства’, в генезисе ‘жертвенника’, представляет собой наложение эволюционных форм мифологического значения, обусловленных и объединенных формой – плоским приподнятым (к небу) пространством. Поэтому мифологические значения являют собой как синхронные алломорфы символа (*Ворон, лис, шут* как трикстер), так и исторические варианты (*Мать-земля – Богородица*).

Фреймовое восприятие действительности лежит в основе механизмов номинации и порождения дискурса. Именно фрейм как схема ситуации является основой семантического и ролевого синтаксиса, логико-синтаксических типов предложений (бытийность, акциональность и пр.), деривации текста, метафорики языка.

Номинация фрагментов действительности осуществляется в качестве его целостного обозначения или аспектно-гештально-го, фокусного описания, ср. *собака, глаза, листья и лаять, щуриться, пожулкнуть*. Три последние лексемы, отраженно-фокусированно указывающие на предмет – носитель признака, называются в логике диспозициональными предикатами (Б. Рассел). В метафорической номинации также разграничиваются метафоры и гештальты. В метафоре выделяются предмет и объект сравнения (*Судьба – дорога, свобода – воздух, шланг – змея, стена дождя*), гештальт же лингвистически представляет собой импликацию сочетаемости, подсказывающую неназванный предмет: *Вышли – и буквально ударились о дождь, Только в восьмидесятые он надышался свободой, Ухабы судьбы не поколебали его характера, В траве змеился шланг*, Б. Пастернак.

Номинация представляет собой закрепление классифицирующей деятельности сознания, вербализацию усредненных представлений о классах предметов и явлений. Обязательным терминологическим инструментарием когнитологии являются поэтому понятия *прототипа, стереотипа, базовой лексики, эталона* и квази-эталона. Тезаурус как ментальная сетка понятий о мире организован по иерархическому принципу, в виде кластеров: Животные – птицы, рыбы, млекопитающие и пр. Кластер имеет полевое строение с понятием и обозначением – эталоном. Эталонным считается презентант данной предметной сферы, наиболее часто встречающийся в действительности и обладающий максимальным набором дифференциальных признаков таксономического ряда. Для кластера Рыбы эталоном – стереотипом будет не очень боль-

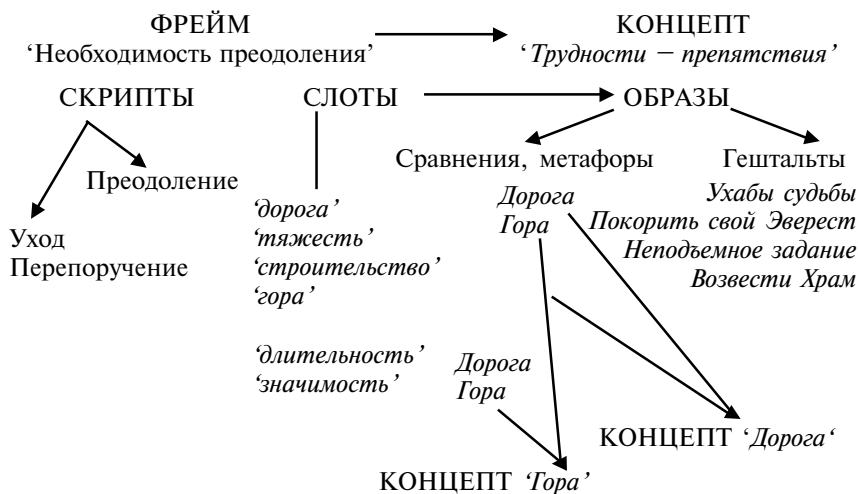
шое холоднокровное существо, дышащее жабрами и плавающее в воде (*нескарь, щука* и т.д.). Однако *угри* находятся на периферии кластера. Языковое сознание склонно гиперболизировать один из дифференциальных признаков, делая его своего рода семантической доминантой, часто вопреки научной картине мира. И тогда в языке появляется *Чудо-юдо рыба-кит*, обладающий главным дифференциальным признаком — обитанием в водной стихии. Типичной птицей будет существо, передвигающееся по воздуху с помощью крыльев, покрытое перьями, не очень большое, издающее звуки, часто мелодичные и т.п. (*соловей, жаворонок, воробей, синица, орел, ястреб*). *Пингвин* же и *колибри* — периферия кластера: *пингвин* ходит, а не летает, *колибри* же настолько мала, что по дифференциальному признаку ‘размер’ больше подходит в кластер Насекомые. Именуя классы предметов, человек имеет в виду именно эталон-стереотип. Лексика, вербализующая стандартное заполнение слотов фрейма (*Птица вылетела из гнезда, Перед грозой рыба не клюет*), отражает именно максимальный набор дифференциальных признаков — естественный семантический плеоназм языка (дышащие жабрами не летают), дающий возможность для сравнения центра с периферией (*А белый стих похож на белый сад, в котором отпорхавшие колибри — опавшие созвучья не летят, а на ледок прудов они налили*, Л. Мартынов) и языковой игры: *Владельцы тараканов могут подойти за новым замечательным средством от их питомцев* (Реклама на рынке). Стереотип-эталон вербализуется **базовой лексикой**.

Такой лексикой признается номинативный инструментарий для обозначения предметов базового уровня категоризации: *ветер* в отличие от *атмосферного явления* и *сирокко*, *собака* в отличие от *животного* и *сеттера*. Именно базовая лексика наиболее частотна и разработана в языке: многократно метафорически осмыслена, концептуализирована, превращена в символы культуры, представлена в лексикографических компендиумах в виде словарных сгущений.

Концептуализация в языковом сознании фрагмента действительности происходит в результате многократного исторического осмысления реалии действительности, превращения ее в инвариантную содержательную ценность, завещанное, т.е. традиционное знание.

Механизмом концептуализации является аппликация совпадающих слотов разных фреймов. На ментальном уровне концептуализация протекает следующим образом. Фрейм как ментальная схема типичной ситуации содержит вариативный набор сценари-

ев преодоления, разрешения ситуации – скриптов. Например, фреймы защиты территории, преодоления препятствия, завязывания знакомства могут состоять из скриптов нападения, бегства, демонстрации покорности (фрейм защиты территории); обхода препятствия, его уничтожения (фрейм преодоления барьера); визуального контакта, улыбок (фрейм знакомства). Ментально обобщенные представления об инвариантном содержании типичных ситуаций (трудности как причина напряжения физических или интеллектуальных сил, как препятствующее целям обстоятельство) формируют область смыслового ступенчатого, **концепт** – понятийное поле с инвариантной коллективной понятийно структурированной ядерной частью и индивидуально-ассоциативной периферийной. Понятийный инвариант (К ‘Трудности’ как причина напряжения, препятствующее достижению цели обстоятельство) существует в виде образных вариантов: преодоления препятствия, поднятия и перемещения тяжести, восхождения в гору, возведения объекта. Концептуализация фрагмента действительности осуществляется как аппликация исторических алломорфов и синхронных вариантов заполнений слота одного фрейма:

Концепт как поле ценностно осмысленного традиционного знания многослоен. Так, метафорическая вербализация концепта в отрывке: *Премьер воспринимает себя как “ПОСЛЕДНЕГО СОЛДАТА ИМПЕРИИ”...* (НГ. 29.1.99.3) представляет собой следующие виды информации. Метафорически употребленная лексема *солдат* ‘военнослужащий, принадлежащий к некомандному и нена начальствующему

щему составу»; перен. ‘военный человек, воин’ содержит реальную денотативную сему d_1 ‘служащий’, коннотативную сему k_1 ‘беззаветно, жертвуя всем, до последней капли крови, минут жизни’ и потенциальные семы p_1 фонового знания об ‘особой значимости ратного труда в истории цивилизации’, p_2 – о ‘значимости и прецедентах защиты русской территории’, p_3 – о ‘воинах Дмитрия Донского, о солдатах А. Суворова’ как (коннотативная сема k_2) ‘цепи предков, передающих эстафету по охране завещанной территории’. Генетическая метафора *солдат империи* с определением *последний* коннотирует семы k_3 ‘отсутствие шансов, надежды’, k_4 ‘критический рубеж’ и потенциальные семы p_4 , p_5 , p_6 ... “*Велика Россия, а отступить некуда: позади Москва*” политрука Клочкова’, “*Последний из могилок*” Ф. Купера’, “*Последний из удэге*” А.Фадеева’, ассоциирующие, в свою очередь, потенциальные семы p_N ... ‘вымирающего населения’, ‘захватываемой территории’. Так образное номинативное средство – сочетание *последний солдат империи* – является выразителем, как минимум, четырех концептов: мифологических концептов ‘*Родная земля*’, ‘*Защита территории рода*’, античного по происхождению концепта ‘*Служение, гражданский долг*’ и русского концепта ‘*Российская империя*’ (‘*Великая Россия*’), ср. название знаменитого коллажа И. Глазунова – “*Вечная Россия*”. Гипотетическая семема образного таксона *ПОСЛЕДНИЙ СОЛДАТ ИМПЕРИИ* такова: ‘Могущество государства – благо для его народа; Россия исторически была великой страной; это величие создавалось, обеспечивалось и сохранялось ее гражданами; сейчас граждане перестали исполнять свой долг; следствием этого явилась утрата государством силы; X продолжает исполнять гражданский и предками завещанный исторический долг; X заслуживает восхищения, тем более что он один из последних оставшихся, которые продолжают так поступать; примеру X нужно следовать; его стойкость и мужество в исполнении гражданского долга – укор всем остальным; граждане должны вернуться к исполнению своих обязанностей’. В семеме образного номината выделяются, таким образом, информационная, историческая часть – транслируемая в процессе межпоколенной передачи опыта негенетическая память коллектива ‘взаимосвязь “государство и гражданин”, его статус и обязанности’, ‘историческая судьба России’, оценочно-этическая часть – ‘не выполнять обязанности гражданина – плохо’, ‘продолжать исполнять их – пример для остальных’ и образно-воздействующая (апеллятивная) часть (образ рядового с ружьем у стен замка со рвом, например). Эти части названы нами *информатив*, *норматив* и *имажитив*. Главный для говоря-

щего и слушающего – норматив, императив к действию, затем информатив как поддержка и основание, причем ритуальное, завещанное предками и человечеством в целом. Особая роль имажитива – в упрощении и ускорении восприятия историко-нормативной части информации, перевода ее в зрительное, слуховое и иное сенситивное представление. Ритуальность информатива и норматива и сенситивность имажитива переводят информацию из ранга “ничьей”, альтернативной (‘территорию можно защищать или не защищать’) в “свою”, завещанную, обязательную, эмоционально переживаемую. Информативно-регулирующее содержание концепта составляет формулу: *солдат – это ... и он должен...*

Метафорический фрейм лежит в основе базовых метафор: СМЕРТЬ есть УХОД, СПОР есть ВОЙНА, ЛЮБОВЬ есть ПУТЕШЕСТВИЕ, СУМАСШЕСТВИЕ, ШЕДЕВР и пр. Метафорический фрейм всегда гештальт, он указывает косвенно, а не называет прямо. Метафорический фрейм организует синтаксические метафоры: *Тайга стоит уже в заре по грудь* (Р.Рождественский); *Те же стаи несытых смертей Над откосами косами косят, Над откосами косят людей* (А.Белый); *Не сани летели – телега скрипела, И маленький лес просил подаяния снега у жадных иль нищих небес* (Б.Ахмадулина).

Текст как рисунок из выражающих идею образов на денотативной канве, создающей “иллюзию правдоподобия” [Барт 1994: 317], состоит из фреймов денотативного и метафорического характера. Именно так организовано стихотворение И.Бродского “24 декабря 1971 г.”. В композицию предрождественских бытовых хлопот вплетен библейский фрейм рождественской легенды: *В РОЖДЕСТВО все немного волхвы. В продовольственных слякоть и давка. Из-за банки кофейной халвы производит осаду прилавка грудой свертков навьюченный люд: каждый сам себе ЦАРЬ и верблюд.*

Сетки, сумки, авоськи, кульки, шапки, галстуки, сбитые набок. Запах водки, хвои и трески, мандаринов, корицы и яблок. Хаос лиц, и не видно тропы В Вифлеем из-за снежной крупы.

И разносчики скромных даров в транспорт прыгают, ломаются в двери, исчезают в провалах дворов, даже зная, что ПУСТО в ПЕЩЕРЕ: ни животных, ни яслей, ни Той, над Которою – нимб золотой.

Пустота. Но при мысли о ней видишь вдруг как бы СВЕТ ниоткуда. Знал бы Ирод, что чем он сильнее, тем верней, неизбежнее ЧУДО. Постоянство такого родства – основной механизм РОЖДЕСТВА.

То и празднуют нынче везде, что ЕГО ПРИБЛИЖЕНИЕ, сдвигая все столы. Не потребность в ЗВЕЗДЕ пусть еще, но уж воля БЛАГАЯ в человеках видна издали, и КОСТРЫ ПАСТУХИ РАЗОЖГЛИ /.../

Валит снег; не дымят, но трубят трубы кровель. Все лица как пятна. Ирод пьет. Бабы прячут ребят. Кто грядет — никому непонятно: Мы не знаем примет, и сердца Могут вдруг не признать пришлеца.

Но, когда на дверном сквозняке из тумана ночного густого возникает фигура в платке, и младенца, и Духа Святого ощущаешь в себе без стыда; смотришь в небо и видишь — звезда.

Фреймовое наполнение акцентирует семантический синтаксис, оперирующий понятиями ролей (в когнитивной терминологии — заполнением слотов) [Богданов 1977; Всеволодова 2000 и др.]

Фрейм ситуации вербализуется в языке предложением как “пропозициональным знаком” (Л.Витгенштейн): “Каждая внеязыковая ситуация ...в нашем языковом сознании отражается как некоторое типизированное событие: ...в виде определенной формулы, состава компонентов, — и не просто состава, а конфигурации этих компонентов, структуры образов” [Всеволодова 2000: 121]. Фрейм ситуации опознается именно по ролям (термин Ч.Филлмора) — слотам и отношениям между ними. Фрейм отражен в пропозиции, глубинной семантической структуре предложения как типовой схемы: *Эта статья принадлежит молодому ученому — Эту статью написал молодой ученый; Соседние озера принадлежали другим подвидам гусей — В соседних озерах жили другие подвиды гусей; Роль крупных хищников в пресных водах принадлежит крокодилам — В пресных водах самые крупные хищники — крокодилы.* Ср. также выражение значения ‘агенс’ структурами *Он в тревоге — У него озноб — Ему весело — Его знобит — С ним обморок — В нем недоброта и недоверчивость.*

Схема является моделью выражения смыслов, высказывание — реализацией интенции говорящего, с субъективными смыслами, коммуникативной тема-рематической актуализацией, подтекстом и пр.: *Он не поет* ‘молчит’, ‘не умеет петь’ (акциональность или характеристика) — *Ему не поется* ‘у него нет настроения петь’ (статальность); *Рассказ — о детях* (объектно-атрибутивное значение) — *Домик был о трех окошках* (атрибутивность). Поэтому фреймовую информацию о положении дел в каком-то фрагменте действительности, отраженную в предложении, считают его денотатом, а интерпретацию этого положения дел — сигнификатом (высказывания) [Всеволодова 2000: 123].

В аспекте языковой материи слоты фрейма являются синтаксическими позициями, отражающими семантические функции участников ситуации. Количество выделяемых функций различно (у Ч. Филлмора их 8, у В.Гака, И.Сусова и У.Чейфа — 7, у Д.Локвуда 9, у Ю. Апресяна 25, у Н.Н.Леонтьева 50 и т.п.). Количество

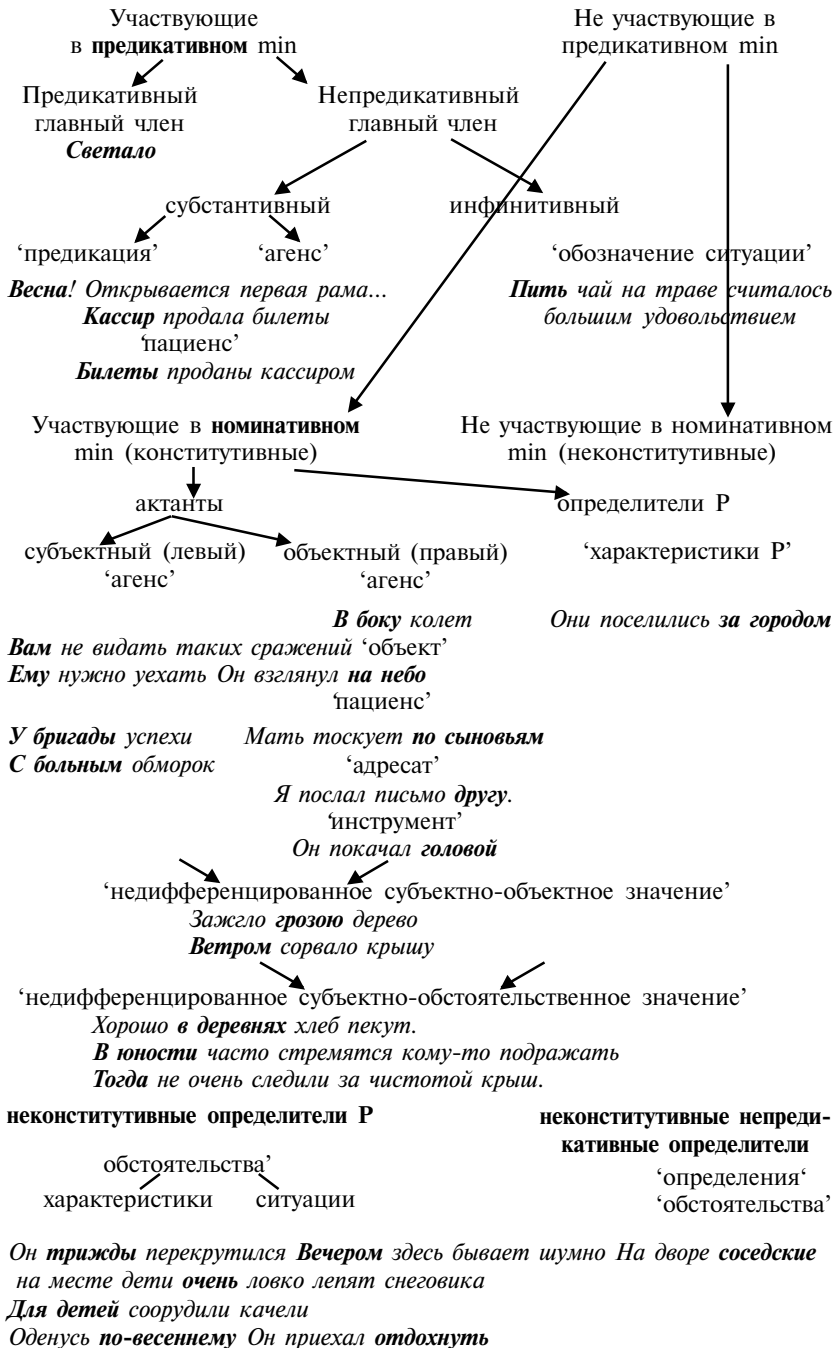
функций зависит от их таксономизации, дробления. Так, инструментатив может быть отчуждаемым и неотчуждаемым (*ударить рукой* — *ударить ножом*), окказиональным (*ударить табуретом*) и пр.

Функции являются семантико-синтаксическими. В зависимости от семантики одна и та же синтаксическая форма может выражать разные синтаксические значения: *Мать разбудила Михаила* ‘агенса’ и *Взрыв разбудил Михаила* ‘причина’; *Мальчик открыл дверь ключом* ‘инструментатив’ и *Мальчик открыл дверь толчком* ‘способ действия’; *Студент находился в комнате* ‘локус’ — *Студент находился в отчаянье* ‘состояние’. Конститутивная единица синтаксиса, дифференциальными признаками которой являются смысл, морфологическая форма и синтаксическая функция, получила в современной лингвистике название синтаксемы (Г.Золотова). Содержание мысли язык выражает путем предикативного сопряжения синтаксем.

Структурой позиционного синтаксиса, отражающего вербализацию фрейма, признают актанты (термин Л.Теньера) — действующие лица и предметы, предикаты, определители и сирконстанты [Белошапкина 1981; Богданов 1977; Дмитриева, Оболенец 1998; Теньер 1988; Всеволодова 2000]. Члены предложения, вербализующие семантические роли, позиционно разворачиваются так, как показано на схеме.

Основными семантико-синтаксическими функциями являются следующие [Богданов 1977: 51-55; Золотова 1988: 3-16; Всеволодова 2000:133-138]. Актантные роли: ‘агенса’ (*Старуха положила руку на плечо сына* — Ш.); ‘пациенса’ (*Играя, дети гнали Ассоль* — Грин); ‘адресата’ (*Вечером пришла прислуга Олимпиады и принесла Илье записку* — М.Г.); ‘поссесора, владельца’ (*Эта машина принадлежит моему соседу*); ‘объекта’ (*Я вынул из кармана складной нож* — Гайдар); ‘креатива, созданный объект’ (*Эта статья принадлежит молодому ученому*); ‘комитатива, участника ситуации’ (*Мы гуляли с подружкой в парке*); ‘партитива, часть’ (*На обложке журнала портрет победителей соревнований*); ‘инструментатива’ (*Зубы разные бывают. Один рвешь щипцами ...третьи ключом* — Ч.); ‘медиатива, средство’ (*Этот ты укрыл меня ночью простынею?* — Гайдар); ‘элементатива, стихия’ (*Скривились домики, другие совсем обрушились, иные волнами сдвинуты* — П.); ‘дескриптив, носитель свойства, признака’ (*Окна в светлице были маленькие*).

Предикатные и атрибутивные роли (в структуре предложения различающиеся лишь позиционно): ‘экзистенциатив, бытийность’ (*За лесом — озеро; В среду будет концерт*); ‘акциональность, действие’ (*Светит луна*); ‘статив, состояние’ (*Я в отчаянии; Земля*

вращается); ‘релятив, отношение’: ‘сравнение’ (*Киев южнее Москвы*); ‘генератив, целое по отношению к члену множества’ (*Происхождение М.Ф. Андреевой – из остзейских баронов*); ‘характеризация’ – ‘квалитатив’ (*Отец Гоголя был бережлив, запислив – Золотусский; Сартр – француз*), ‘квантитатив’ (*Нас у мамыши осталось четверо – Кузмин*) и ‘дистрибутивно-количественное значение’ (*Пришло до ста человек; И вмиг со всех сторон собак сбежалось с полсотни*); ‘статив, состояние’ (*С трудом различал Кузьма темные, туманные фигуры мужиков – И.Бун.*); ‘перцептив’ (*Закрывая глаза, я видел его перед собою – Л.Т.*); ‘комполитив (фабрикатив), материал’ (*На дворе караульщик стучал в чутунную доску (Л.Т.); Костюм – из шерсти*); ‘ономасиатив, имя’ (*Прозывают Будильником на деревне его – Евт.*); ‘локатив’ (*Но внук учебы этой не постиг и, к горечи твоей, ушел в страну чужую – Ес.*); ‘каузатив’ (*Дожди привели к наводнению; Если бы паче всякого чаяния матушка родила дочь, то батюшка объявил бы куда следовало о смерти нежившегося сержанта – П.*);

Текст есть фрейм (‘Соединение влюбленных’, ‘Защита территории’, ‘Восстановление космического порядка’ – ‘Тристан и Изольда’, ‘Война и мир’ Л. Толстого, ‘Война миров’ Г. Уэллса) и идея, выраженная фреймом: концепт ‘Самоуничтожение личности убийством’ Ф.М.Достоевского, развернутый во фрейм убийства старухи-процентщицы студентом Раскольниковым. Базовый фрейм является основой фабулы и реализуется в сюжете. Сюжет – поочередная актуализация, наполнение слотов фрейма, их инверсии. При этом слот вербализуется в форме условно-денотативного обозначения, приобретая по мере развития текста символичный характер, т.е. проходя эволюцию икона – символ (*Простаковы, Скотинины, Скалозуб*) или индекс – символ (*Митрофанушка, крыжовник, футляр, хамелеон, степь, тройка*). Слоты, актуализирующие терминальные узлы, обозначают их, постепенно проявляя фабульный фрейм: ‘Инициация’ после восприятия сюжета сказки Ш. Перро “*Мальчик-с-пальчик*”.

Именно до фрейма сворачивается текст в ментальной форме памяти, что позволяет кодировать его именами терминальных узлов (‘Преодоление пути’ как фрейм “*Белого безмолвия*” Д.Лондона – так называемая тема) или слотов (Чичиков пытается купить у помещиков списки умерших крестьян, как если бы они были живыми – так называемый дайджест содержания). Поливариантность ментальной кодировки текста как фрейма, слотов или того и другого с неизбежным в этом случае редуccionизмом базируется, по-видимому, на универсальных структурах памяти [Мартынов 2001; Жинкин 1998].

Грамматика сюжета структурирована как обстановка, включающая персонажей, место и время; тема – событие и его цель; сюжет, состоящий из эпизодов и развязка, то есть результат, изменивший положение дел [Солсо 1996: 370]. Принципами организации восприятия нарративной структуры является иерархизация ее смысла (выстраивание причин и следствий), проективность информации, воссоздающая фабулу сквозь сюжет, невербальное абстрагирование – сведение сюжета к фрейму [Солсо 1996: 372], тезаурусная трансформация текста [Там же: 364], выделение среди нескольких фреймов доминирующего [Там же: 367]. Доминирующий фрейм записывается как пропозитивная структура, в узлах отношений которой происходит деривация смысла. Текстовое развертывание фрейма представляет собой акцентирование терминальных узлов: личность – пагубная идея преступления как проверки своей сверхчеловечности – жертва – орудие – неожиданные результаты – вывод.

Фреймовая основа и фреймовое исследование текста тесно связаны с понятием прецедентности. Прецедентность создает не фрейм (за исключением совершенно уникального сюжета). Типичность ситуаций и лежащий в основе текстовых фреймов исходный прафрейм превращает большинство сюжетов в “бродячие”, создавая интертекстуальность. Прецедентность создает уникально-конкретное слотовое наполнение терминальных узлов фрейма: *брусничный с искрой фрак Чичикова, породистый завиток на шее* Анны Карениной, *топор* Раскольникова.

Фреймовая семантика текста неразрывно связана и с понятием подтекста. Подтекст как пунктирный повтор являет собой частотную актуализацию слота, слотового наполнения: *И зонтик у него был в чехле, и часы в чехле из серой замши, и когда вынимал нож, чтобы очистить карандаш, то и нож у него был в чехольчике, и лицо, казалось, тоже было в чехле, так как он все время прятал его в поднятый воротник. Он носил темные очки, фуфайку, уши закладывал ватой и, когда садился на извозчика, то приказывал поднимать верх. Одним словом, у этого человека наблюдалось постоянное и непреодолимое стремление окружить себя оболочкой, создать себе, так сказать, футляр, который уединил бы его, защитил бы от внешних влияний. Действительность раздражала его, пугала, держала в постоянной тревоге, и, быть может, для того, чтобы оправдать эту свою робость, свое отвращение к настоящему, он всегда хвалил прошлое и то, чего никогда не было, и древние языки, которые он преподавал, были для него, в сущности, те же калоши и зонтик, куда он прятался от действительной жизни* (А. Чехов). Что касается внут-

ренной структуры текстового фрейма, то основной формой его организации является бинарность: ‘Влюбленные / препятствия’, ‘Агрессия / отпор’, проистекающая из бинарности прафрейма Космос / Хаос.

Знание есть ‘упорядоченная информация’ [Солсо 1996: 335]. Художественный же текст – это описание типичной, характерной ситуации средствами единиц вторичного семиозиса. Поэтому семантика и языка, и текста неизбежно приобретает фреймовый характер.

Литература

Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977.

Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. М.: Изд-во МГУ, 2000.

Дмитриева Т.П., Оболенец А.Б. Семантическая структура предложения (денотативный аспект): Учебное пособие. Ставрополь: Изд-во СГУ, 1998.

Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С.Кубряковой. М.: Изд-во МГУ, 1996.

Мартынов В.В. Основы семантического кодирования: Опыт представления и преобразования знаний. Минск: Европ. гуманитар. ун-т, 2001.

Монич Ю.В. Проблемы этимологии и семантика ритуализованных действий // *Вопр. языкознания*, 1998. №1. С.97-120.

Перлз Ф. Гештальт-подход и свидетель терапии / Пер. с англ. М. Папуша. М.: Либрис, 1996.

Современный русский язык / Под ред. В.А.Белошапковой. М.: Высшая школа, 1981. С.417-428.

Солсо Р.Л. Когнитивная психология. М.: Триволта, 1996.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Пер. с фр. И.М. Богуславского и др. М.: Прогресс, 1988.

Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М.:Наука, 1978.

Talmy L. Lexicalization pattern: semantic structures in lexical forms // *Language typology and syntactic description*. V. 3 Cambridge: Cambridge Univ. Press. 1985. P. 57-149.